
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 323.1
ББК 66.094

DOI 10.22394/1682-2358-2023-4-58-70

S.Yu. Khllystunov, *Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Department, Director of the Center for Psychological and Economic Research, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

D.A. Ruzayev, *post-graduate student of the Political Sciences Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

ETHNIC MIGRATION AS A DESTRUCTIVE FACTOR IN THE ETHNOPOLITICAL PROCESS

The process of ethnic migration, which has both objective and subjective prerequisites is analyzed. A conclusion is drawn on the causes and consequences of ethnic migration. The analysis of the situation in Russia reveals a direct correlation between the proportion of ethnic migrants in the population and the scale of ethnic crime and interethnic conflicts between migrants and the indigenous population.

Key words and word-combination: ethnic migration, ethnopolitical process, ethnodemographic balance, ethnic weapons, interethnic conflicts.

С.Ю. Хлыстунов, *доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, директор Центра психолого-экономических исследований Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (khllystunov-sy@yandex.ru)*

Д.А. Рузаев, *аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: Druzaev13@gmail.com)*

ЭТНИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Анализируется процесс этнической миграции, имеющий как объективные, так и субъективные предпосылки. Делается вывод о причинах и последствиях этнической миграции. Анализ ситуации в России выявляет прямую корреляцию между долей этнических мигрантов в составе населения и масштабом этнической преступности и межэтнических конфликтов между мигрантами и коренным населением.

Ключевые слова и словосочетания: этническая миграция, этнополитический процесс, этнодемографический баланс, этническое оружие, межэтнические конфликты.

Миграция как процесс территориального перемещения отдельных лиц, групп и общностей представляет собой один из древнейших исторических феноменов. История Homo Sapiens, по сути, обусловлена двумя глобальными факторами: голодом, толкающим людей на освоение природы и ее ресурсов, и бескомпромиссной борьбой за выживание между расами и этносами, объединенными в группы, общности, организации и государства. Миграционные процессы настолько фундаментальны, что от их специфики зависят судьбы народов и государств.

Феномен миграции является предметным полем различных общественных наук, но его политологический анализ подразумевает исследование миграции как фактора политической жизни. В связи с преобладающим воздействием на политическую сферу государства этнической миграции сконцентрируем внимание на этнополитическом аспекте процесса миграции, связанном с перемещением этнически и культурно чуждых народов на территорию с коренным населением, что создает высокую этнополитическую конфликтность. Из двух основных видов конфликтов (этнизированных политических конфликтов и политизированных этнических конфликтов) именно последний из них провоцирует массовую этническую миграцию. Сложность разрешения политизированных этнических конфликтов заключается в том, что они имеют не только социальные, но и биологические причины, среди которых критически важную роль играют следующие:

— отрицательная этническая комплиментарность этнических мигрантов и коренного населения, основанная на инстинктивных механизмах межпопуляционной борьбы за выживание, которые, несмотря на всевозможные культурные и политические формы, остаются неизменными и не поддаются социальной инженерии [1, с. 88];

— нарушение этнодемографического баланса и появление «злокачественного демографического приоритета молодежи» [2, с. 142] как естественного источника насилия и политической нестабильности. Высокая рождаемость ведет в многодетных семьях к избыточному количеству «младших сыновей» в возрасте 15–30 лет, которым нет места в социальной структуре «родного» общества или государства. Предпочтительным способом выживания и самореализации для большой массы безработных мужчин является внешняя экспансия и колонизация других территорий;

— диаспоральная социальная структура этнических мигрантов и их склонность к созданию этнических анклавов на чужой для них терри-

тории, которую они колонизируют. Диаспора мигрантов, основанная на этнической солидарности и взаимопомощи, практически беспрепятственно выдавливает атомизированное коренное население из ряда сфер общественной жизни [3];

— различные базовые идентичности этнических мигрантов и коренного населения: у одних это этническая, кровнородственная идентичность ограниченная рамками клана и этноса, у других — либо этнокультурная, либо сверхэтническая, национально-государственная. Эта ситуация делает этнических мигрантов принципиально неассимилируемым населением, чьи жизненные интересы прямо противоположны таковым у коренного населения.

Безусловно, этническая миграция представляет собой важнейшую этнополитическую проблему, которая может быть эффективно решена лишь в том случае, если в миграционной политике будет учитываться жесткая взаимосвязь между миграционными и этнополитическими процессами. При исследовании сущности этнической миграции как фактора, непосредственно влияющего на этнополитические процессы, обнаруживается объективно существующая негативная сторона данного процесса. Этническая миграция при достижении определенного масштаба приводит к разрушению этнодемографического баланса в конкретной стране или ее регионе и, как следствие, к этнополитическим конфликтам между мигрантами и коренным населением. Наблюдается прямая корреляция между увеличением доли этнических мигрантов в стране и ростом этнополитических конфликтов.

Этнополитический процесс представляет собой реализацию этносом своей субъектности в политике, которая протекает в нескольких форматах: как взаимоотношения этносов между собой в рамках государства (межэтнические отношения); как взаимоотношения этноса с государством (этнополитика / национальная политика) [4]. В отдельных случаях эти взаимоотношения носят мирный характер, но в подавляющем большинстве они переходят в форму этнополитического конфликта. Этнополитический процесс может протекать естественно и спонтанно под влиянием объективных социальных, экономических, культурных и демографических факторов, но иногда стимулируется конструкторскими методами в субъективных интересах различных индивидов, групп и организаций — этнических предпринимателей, ориентированных на конструирование новых наций из одного или нескольких этносов в рамках конкретного государства, то есть националистов.

В современном общественно-политическом дискурсе националисты определяются в большей степени как опасные для государства и об-

щества субъекты, что с научной точки зрения не соответствует действительности. Без деятельности националистов современные национальные государства никогда бы не сложились. Именно националисты стимулировали создание в эпоху Модерна современных наций, которые изначально представляли собой либо один этнос, либо полиэтнический конгломерат, существующий в рамках одной или нескольких возглавляемых монархами политий на правах подданных, жестко разделенных сословными границами.

Формирование наций усилиями националистов осуществлялось в разных странах на основе специфического идейного комплекса, традиционно именуемого национализмом. Некоторые исследователи, например, В.П. Макаренко [5, с. 480], В.С. Малахов [6, с. 315], считают национализм политической идеологией, где базовой является идея суверенной нации, то есть граждан, правомочных избирать своих представителей в органы власти и быть избранными. Однако, если опираться на принцип историзма и системности, как это делают И. Валлерстайн [7, с. 348] и А.И. Фурсов [8, с. 768], то политические идеологии определяются как элемент геокультуры Просвещения в качестве трех основных разновидностей: консерватизм, либерализм и марксизм. Каждая из них отражала интерес конкретного социального слоя: консерватизм — аристократии; либерализм — буржуазии; марксизм — пролетариата. В свою очередь, феномен национализма интерпретируется не столько как идеология, сколько как концепция, комплекс идей аксиоматического характера. Национализм, в отличие от трех политических идеологий, не отражает узкий социальный интерес какой-либо группы, его приверженцами и выгодополучателями могут быть представители любого слоя, группы, класса или сословия.

Наиболее значимые идеи в концепции национализма:

- признание существования единой нации, состоящей из всех полноправных граждан страны в соответствии с конституцией;
- признание за нацией права суверена и источника политической власти в государстве;
- принадлежность к нации является сверхэтнической идентичностью, поэтому носит социокультурный характер в порядке самоидентификации с государством, его историей и культурой.

Формирование нации, определяемое термином нациогенез, — это результат проектной деятельности, в отличие от расогенеза или этногенеза, являющимися биологическими процессами. Наиболее корректную с научной точки зрения теорию нациогенеза предложил М. Хрох, который утверждал, что нация — «это большая группа, объ-

единенная комбинацией нескольких видов объективных отношений (политических, экономических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании. Многие из этих связей могут взаимно меняться ролями, но три из них остаются абсолютно незаменимыми: память об общем прошлом, толкуемом как судьба; плотность и интенсивность языковых и культурных связей; концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество» [9, с. 127].

М. Хрох выявил и зафиксировал три основные фазы нациогенеза европейских наций, причем данная схема актуальна для России и других суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве, где искусственным образом в советский период были сконструированы новые нации, например казахи [10, с. 715].

Первой фазой (фаза А) ученый считает период генезиса нации, когда ее самой еще нет, но проект уже существует в сознании отдельных индивидов и групп националистов, которые разрабатывают культурные (литературный язык) и концептуальные (национальная история) основы будущей нации. Если их деятельность оказывается успешной, то есть ее результаты интегрируются в общественную и политико-идеологическую сферу, а также усваиваются значительной долей представителей правящего слоя, то процесс нациогенеза приобретает необратимый характер. Следовательно, первыми русскими националистами можно назвать старообрядцев времен протопопа Аввакума, М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, славянофилов [11, с. 528]. Однако основной массы российского населения процесс национального строительства в то время не коснулся, так как до конца существования Российской империи главными идентичностями были конфессиональная и монархическая (подданническая). В советский период «закон о великодержавном русском шовинизме» окончательно заблокировал русский нациогенез на весь постсоветский период [12].

Вторая фаза (фаза В), по мнению М. Хроха, начинается с целенаправленной и методичной пропаганды идеи нации с целью «пробуждения», а по сути, формирования единого национального самосознания через публичную общественно-политическую, литературно-просветительскую и образовательную деятельность. Народные массы обучают сконструированной под определенным методологическим и мировоззренческим углом национальной истории и национальной культуре, формируя у людей новую политическую идентичность, которая предполагается как более значимая, чем этническая, конфессиональная и

территориальная. Этот этап также не был реализован в России, ибо единственная националистическая политическая сила — черносотенцы, не смогли его осуществить по организационным и идеологическим причинам [13].

Третья и заключительная фаза (фаза С) проходит в форме массовой националистической мобилизации населения для достижения конкретных политических целей, и спектр мобилизационных форм может быть достаточно широким — от мирных и корректных требований к государственной власти до ультиматумов и террористических актов против представителей всей системы государственного управления или конкретного этноса. Данный этап характеризуется также стремлением националистов создавать собственные политические институты по воспроизводству национально ориентированной элиты и высококвалифицированных кадров. В дореволюционной России реализовать это не удалось по объективным причинам, связанным с низким уровнем урбанизации, незначительным средним слоем, представлявшим (в западноевропейском смысле) гражданское общество, и огромной массой безграмотного крестьянского населения, не охваченной механизмами политической социализации.

Типологию национализма можно проводить по разным критериям, но наиболее продуктивными, на наш взгляд, являются мотивация и отношение к человеческой жизни. По критерию мотивации националистов можно подразделить на две принципиально разные категории: националистов-романтиков, придерживающихся этнической идентичности собственной нации, имеющих альтруистический мотив спасения или развития собственного этноса; и националистов-прагматиков, традиционно придерживающихся идентичности гражданской нации и стремящихся добиться собственных целей (власть, деньги, статус, привилегии). По критерию отношения к человеческой жизни националисты также подразделяются на две группы: «гуманисты», сторонники этнической нации, готовые осуществлять мобилизацию национального самосознания только до тех пор, пока она носит культурный (религиозный, идеологический, образовательный) характер; и политические технологи, приверженцы гражданской нации, наиболее активное ядро которых готово организовывать население на насильственные действия по отношению к своим противникам, вплоть до этноцида и геноцида.

Определившись с основными понятиями, обратимся непосредственно к анализу современных этнополитических процессов в России. Будучи континентальной политией, Россия сформировалась на основе имеющегося этнического (великорусского) субстрата, который и стал

государствообразующим по объективным причинам, прежде всего доминирующей численности. Территориальное расширение происходило и за счет мирной крестьянской колонизации, и в процессе военно-политической экспансии, которая подпитывалась стремительным этнодемографическим ростом русских и присоединенных этнических меньшинств, также увеличивающих свою численность в рамках российской государственности. Это было характерно даже для отрицательно комплиментарных народов Средней Азии и Кавказа, которые, несмотря на потери в период боевых действий, после вхождения в состав России переживали небывалый в своей предыдущей истории бурный демографический рост [14, с. 784].

В итоге имперское строительство России сопровождалось, хотя и дискретным, но ростом как общей демографической массы русского населения, так и численности каждого входящего в ее состав этноса. Однако этнодемографический баланс неуклонно менялся. Если в XV—XVI вв. более 90% населения составляли этнические великороссы, то к моменту краха советской государственности этнические русские составляли не более 50% населения СССР [13]. Вместе с тем, помимо увеличения этнодемографической массы населения России, нациогенез русских как государствообразующего этноса и этнических меньшинств протекал совершенно по-разному.

У этнических меньшинств нациогенез стимулировался государственной властью, а политика русификации была настолько мягкой, что усвоение русской национальной культуры (двуязычие) совершенно не мешало этнокультурному развитию. В результате их демографическая масса и этнополитические притязания постоянно возрастали. В советский период процесс нациогенеза этнических меньшинств приобрел еще более стремительный, целенаправленный и методичный характер, так как во всех национальных республиках была реализована политика развития «национального сознания» и подготовка «национальных кадров».

Однако процесс формирования новых наций в рамках Советского Союза дал сбой. Если в Европе нации конструировались из атомизированной массы городского пролетариата (с размытой этнической идентичностью), то советскую нацию в качестве новой исторической общности пытались создать из кровнородственных коллективностей родоплеменного уровня (тейпы, жузы и т.д.), организуемых в этнические диаспоры, и противопоставляющих себя всем остальным. Итогом стало формирование не национальной, то есть сверхэтнической гражданской идентичности (в случае России — советской), а гипертрофия этнической идентичности — этноцентризм. Это привело к появ-

лению еще в рамках союзного государства национальных республиканских этнократий. Только у русских нациогенез протекал в направлении становления гражданской, сверхэтнической общности — «советского народа» (так называемой советской нации) [13].

После распада Советского Союза нациогенез этнических русских, имеющих более чем тысячелетнюю историю собственной государственности, оказался на самом раннем этапе своего развития, в интерпретации М. Хроха — в фазе А, в то время как в бывших советских национальных республиках — и ставших субъектами РФ, и трансформировавшихся в независимые национальные государства — нациогенез прошел полный цикл: их титульные народы обрели этническое и национальное самосознание, однако не стали частями советской гражданской нации (их диаспоральная социальная структура блокировала этот процесс), а трансформировались в классические этнократии, обладающие собственной государственностью.

Таким образом, незавершенный русский нациогенез в форме до конца не сложившейся советской нации был прерван, начался ее распад. Ситуация усугублялась еще и тем, что с начала 1990-х годов началась активная идеологическая борьба с «русским фашизмом» не только усилиями отдельных представителей государственной власти, но и русофобствующей постсоветской интеллигенцией [15, с. 544]. В итоге произошла этнодемографическая катастрофа русского этноса — «Русской крест» [16, с. 224]. Зафиксируем две основные предпосылки, приведшие к такому результату.

Первая из них носит объективный характер: это истощение (по причине сверхэксплуатации) демографического потенциала русского этноса в процессе трехсотлетнего имперского строительства, в результате которого в 1960—1970-е годы произошел сбой в рождаемости, на который повлиял и демографический переход к нуклеарной семье из одного-двух детей, и невосполнимые потери генофонда после двух мировых войн, и резкое повышение смертности после 1991 г. [17, с. 304]. Если национальным меньшинствам удалось во время Второй мировой войны избежать массового призыва, сохранить свой этнодемографический и этнополитический потенциал, а после нее приумножить его [18], то для русского этноса война стала этнодемографической катастрофой, наследие которой остро проявилось уже в 1950-е годы.

Вторая предпосылка носит субъективный характер, связанный с централизованным подавлением государственной властью нациогенеза русских в направлении этнонации. Любые проявления русской этничности, будь то спонтанного пробуждения этнического сознания

русских в период войн с чуждыми им народами и государствами или демократических требований русских националистов-интеллектуалов гармонизировать интересы имперского развития с интересами русского этноса или потенциальной русской нации, подавлялись космополитической властью царей и большевиков.

Идея трансформации империи в русское национальное государство по западному образцу и уравнивание статуса этнических русских с национальными меньшинствами подрывали два фундаментальных принципа формирования России и в имперский, и в советский периоды: механизм сверхэксплуатации русских этнических ресурсов и полиэтничный характер правящего слоя. Это была игра с нулевой суммой: империя могла существовать только за счет сверхэксплуатации русской этнической субстанции, а русские могли получить свободу для национального развития, лишь пожертвовав империей.

К началу постсоветского периода русский этнос уже переживал сильный регресс: демографическую катастрофу и распад до конца не сформировавшегося национального, «советского» самосознания, сопровождавшийся подавлением этнического самосознания, в то время как демографическая сила и этнополитические притязания национальных меньшинств резко усилились, в том числе и по причине масштабного ввоза мигрантов из Средней Азии и Закавказья. Это привело к развитию ряда разрушительных тенденций.

Во-первых, произошло изменение этнодемографического баланса, то есть замещение коренных народов с низкой рождаемостью, этнически и культурно чуждым, неассимилируемым, отрицательно комплиментарными и обладающими высокой рождаемостью этническими мигрантами. Это замещение ускоряется и административными мерами, когда коренные народы России теряют свой генофонд в СВО на Украине, а этнические мигранты, массово получающие гражданство, не участвуют в защите интересов России. При этом некоторые эксперты утверждают, что если государствообразующий этнос уменьшится до 70 млн человек, то удержать свою территорию России будет невозможно [19, с. 428].

Во-вторых, наблюдается усиление этнополитических устремлений этнических мигрантов, в том числе ставших российскими гражданами. Например, более 40% мигрантов из Средней Азии, проживающих в Российской Федерации, готовы с оружием в руках отстаивать свои этнические и религиозные ценности, причем эксперт утверждает, что их целенаправленно готовят для подрыва российской государственности [20]. Ситуация становится социально несправедливой и ущемляет статус и права коренного населения России, поэтому

продвигается инициатива мобилизовать в зону СВО лиц, приехавших из постсоветского пространства и получивших российское гражданство [21].

В-третьих, происходит размывание культур и традиций коренных народов России, что связано прежде всего с диаспоральной формой этнических мигрантских сообществ, которые не только блокируют нациообразование русских, не имеющих этнические диаспоры, но и стремятся навязать свою культуру и традиции коренным жителям.

В-четвертых, взрывной рост этнической преступности чреват межэтническими конфликтами в ближайшем будущем. 11 мая 2023 г. на XI Петербургском международном юридическом форуме Председатель СК РФ А.И. Бастрыкин заявил: «Количество мигрантов увеличивается, и резко увеличивается число тяжких преступлений, совершенных мигрантами. 11 тысяч — 2021 год, 15 тысяч — 2022 год. Убийств на 18% больше... Пока русские на фронте, мигранты атакуют наши тылы» [22].

Высокий уровень этнической преступности, на наш взгляд, обусловлен несколькими факторами:

— лица, совершающие преступления, уверены в своей безнаказанности, так как имеют поддержку диаспоры;

— они, как правило, культурно и ментально чужды и заражены русофобией, которую они открыто демонстрируют, бравлируя своими этническими и религиозными отличиями;

— подобные лица изначально нацелены на паразитический образ жизни и не желают трудиться на благо России — только на свой клан и свою диаспору;

— лица, совершающие преступления, практически все являются малограмотными и низкоквалифицированными (в 2022 г. в Саратовскую область въехали по рабочей визе 44 271 чел., из них квалифицированных специалистов — только 30 чел.) [23];

— диаспоры испытывают сильное влияние, а некоторые находятся под контролем иностранных разведок и террористических организаций.

В.С. Овчинский утверждает, что наблюдающиеся в настоящее время в Российской Федерации миграционные процессы имеют не столько экономический, сколько политический характер: «Происходящее сегодня в миграционной сфере можно назвать подготовкой восстания этнических мигрантов, что полностью соответствует реализации американо-британского проекта деколонизации России. Восстание мигрантов может быть двойным ударом параллельно с каким-либо масштабным наступлением ВСУ на Донбассе, либо серьезными внутренними вол-

нениями. <...> Все трудоустройство мигрантов идет через этнические диаспоры, которые либо контролируются организованными преступными сообществами, либо сами ими являются. Назвать всю диаспору криминальной нельзя, но у нее криминальное ядро, это точно» [24]. По сути, они становятся «этническим оружием массового поражения», способным в краткосрочной перспективе дестабилизировать ситуацию в стране и нанести катастрофический урон критически важной инфраструктуре и населению, в долгосрочной — разрушить этнодемографический баланс и заместить коренное население.

Анализ источников позволяет выявить прямую зависимость между ростом численности этнических мигрантов и ростом криминогенной ситуации в стране. На протяжении последних десяти лет (за исключением «ковидного» 2020 г.) прослеживается тенденция, хотя и дискретного, но постоянного роста этнической миграции и сопровождающего ее роста этнической преступности [25]. В абсолютных величинах максимальные показатели въехавших в Россию и поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства таковы: в 2018 г. — 17 764 489 чел.; в 2019 г. — 19 518 304 чел.; в 2020 г. — 9 802 448 чел.; в 2021 г. — 13 392 897 чел.; в 2022 г. — 16 870 094 чел. [26].

Разумеется, число трудовых мигрантов несколько меньше, но тенденция остается прежней. Например, в 2022 г. в Россию въехали 9,8 млн иностранных рабочих и лиц без гражданства, что на 33% больше, чем в 2021 г. (в том числе из Узбекистана +36,3%, Таджикистана +47,3%, Казахстана +84,2%). В этих данных не учитываются нелегальные мигранты, число которых оценивается в пределах 10 млн человек. Вырос и уровень криминогенной обстановки: в 2022 г. было предварительно расследовано 40,2 тыс. преступлений, что на 10,3% больше, чем в 2021 г., и на 15% выше, чем в «доковидном» 2019 г. Удельный вес раскрытых преступлений, совершенных мигрантами, растет по стране в целом: в 2019 г. прирост составлял +3,3%, в 2021 г. +3,3%, в 2022 г. +3,9%. Фиксируя эту тенденцию, правоохранители делают вывод: «Значительное превышение общероссийских показателей доли преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общем массиве предварительно расследованных преступлений фиксируется в регионах, где происходят наиболее интенсивные миграционные процессы: г. Москва (17,1%), Московская область (12%), г. Санкт-Петербург (9,9%) [27].

Итак, фактор этнической миграции негативно влияет на российский этнополитический процесс, который сегодня находится в рамках глобального демографического тренда — полного демографического пе-

рехода всего Северного полушария к нуклеарной и малодетной семье, в то время как Африка и Центральная Азия переживает уникальный в их истории демографический взрыв. Таким образом, с одной стороны, возник «Русский крест», с другой — демографический взрыв этнических меньшинств и мощный внешний поток этнических мигрантов, у которых по мере изменения этнодемографического баланса стали расти и этнополитические притязания. Более того, неассимилируемая и растущая масса внешних этнических мигрантов, живущих в своих анклавах и диаспорах, порождают высокий уровень этнической преступности и являются «взрывоопасным материалом» для осуществления экстремистских и сепаратистских действий против государства и общества.

Очевидной становится прямая корреляция между ростом доли этнических мигрантов в стране и ростом этнополитической конфликтности между мигрантами и коренным населением. Перспектива ее снижения может находиться в следующих направлениях:

— прекращение массового ввоза этнических мигрантов, являющихся более чем на 99% неквалифицированной рабочей силой, имеющих в своем составе огромную долю преступных и потенциально преступных элементов;

— жесткие требования к выдаче гражданства: юридические, этнические, квалификационные, культурные и т.д.;

— законодательная ликвидация этнических диаспор и анклавов как форм кровнородственных кланов, противопоставляющих себя (агрессивно и несправедливо конкурирующих во многих сферах жизни) русским как государствообразующему народу и другим коренным народам;

— противодействие этнической инфильтрации мигрантов в структуру государственного и муниципального управления.

Библиографический список

1. Хлыстунов С.Ю., Иванченко В.Н. Этническая комплиментарность: неучтенный фактор этнополитического процесса // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 3.
2. Хайнзон Г. Европа: конец игры. Чьи дети будут править миром? М., 2003.
3. Хлыстунов С.Ю., Масляков Д.С. Современная российская нация: социальный конструкт или антропологическая реальность // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 17, № 6. 2022. С. 30–47.
4. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М., 2011. С. 236–260.
5. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д, 2000.

6. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М., 2005.
7. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006.
8. Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М., 2017.
9. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М., 2002. Сер.: Новая наука политики.
10. Севастьянов А.Н. Основы этнополитики. М., 2019.
11. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от XVII века до 1917 года. М., 2020.
12. Двенадцатый съезд РКБ(б). 17–23 апр. 1923 г. Стенографический отчет. URL: <https://drive.google.com/file/d/1jv47RLwwg1TYmG-UoXZ-C6bVIRaeNXP/view>
13. Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.
14. История России XVIII–XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев; под ред. Л.В. Милова. М., 2006.
15. Шафаревич И.Р. Русский вопрос. М., 2004.
16. Гундаров И.А. Путин и здоровье России. Почему вымирает народ. М., 2021.
17. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979 гг.
18. Государственный Комитет Оборона: постановление от 13 окт. 1943 г. № ГОКО-4322сс Москва Кремль. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/4322.html>
19. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются. М., 2002. Т. 1.
20. Иванов А. Новые граждане РФ массово вооружаются. URL: [https://zavtra.ru/events/novie_grazhdane_rf_\(vihodtci_iz_srednej_azii\)_massovo_vooruzhayutsya](https://zavtra.ru/events/novie_grazhdane_rf_(vihodtci_iz_srednej_azii)_massovo_vooruzhayutsya)
21. Депутат Госдумы от КПРФ М.И. Матвеев предложил массово мобилизовать уроженцев средней Азии, получивших российское гражданство. URL: <https://t.me/s/rusbrief/114987>
22. Электронное периодическое издание «Московский комсомолец»: Баstryкин заявил об атакующих тылы России мигрантах. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/05/11/bastrykin-zayavil-ob-atakuuyushhikh-tyly-rossii-migrantakh.html>
23. Саратовстат. URL: <https://64.rosstat.gov.ru/>
24. Овчинский В.С., Харцызов С.А. Миграционный водоворот и национальная безопасность. URL: <https://nday.club/video/problemy-migracii-s-dostavkoj-na-dom>
25. Коваленко В.И. О влиянии миграции на состояние преступности в Российской Федерации // Вестник МВД России. 2019. № 3. С. 36–43.
26. Сайт МВД. Сводка основных показателей миграционной ситуации в Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/>
27. Официальный интернет-сайт МВД России. Обзор основных результатов деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2022 г. URL: <https://мвд.рф/>